С. А. Малкин

ВЕРА ДМИТРИЕВНА КУЗЬМИНА

После Великой Отечественной войны моя мать Ольга Ильинична Подобедова работала в Институте истории искусств АН СССР. В 1947 г. она начала готовить кандидатскую диссертацию об иллюстрированной рукописи XVII в. «Повесть о Петре и Февронии – Муромских чудотворцах». На заседаниях сектора изобразительного искусства ИИИ благополучно прошло обсуждение глав ее диссертации. Осталось написать введение и заключение. Но в 1948 г. в Институте появился новый заместитель директора по научной работе В. С. Кеменов. Желая побыстрее проявить себя, он добился распоряжения, запрещающего всем сотрудникам института, включая академика И. Э. Грабаря, заниматься чем-либо, кроме современного искусства.

Работа по «Повести о Петре и Февронии» не пропала. Вера Дмитриевна Кузьмина, бывшая в то время заведующей аспирантурой, вызвала Ольгу Ильиничну и строго потребовала представить обсужденные на секторе главы диссертации о фольклорных мотивах в иллюстрированных рукописях XVII века в отдел аспирантуры. Ничего не говоря Ольге Ильиничне, она показала эти главы крупнейшему специалисту по древнерусской литературе В. П. Адриановой-Перетц. Варвара Павловна, посмотрев рукопись, сказала, что из этого надо сделать несколько статей для Трудов отдела древнерусской литературы. Тогда Вера Дмитриевна вызвала Подобедову и сказала ей, что член-корреспондент АН СССР В. П. Адрианова-Перетц распорядилась подготовить статьи для публикации. Ольга Ильинична послушно подготовила статьи, которые затем были опубликованы в ТОДРЛ. Так Вера Дмитриевна ввела Ольгу Ильиничну в круг ученых, занимающихся Древней Русью. С этих пор началась дружба между моей матерью и Верой Дмитриевной Кузьминой.

Когда я подрос, мать стала брать меня с собой в гости к Вере Дмитриевне в дом на ул. Кирова, где Вера Дмитриевна жила со своей бывшей учительницей Людмилой Васильевной

Крестовой. Я чинно сидел за столом, слушал умные разговоры взрослых. Некоторые из них были доступны моему восприятию, например, рассказ о поездке в Великий Новгород к владыке Сергию Голубцову, который приходился братом мужу Людмилы Васильевны.

Один раз в начале 60-х гг. мать взяла меня на заседание сектора Древнерусской литературы, которое было посвящено «Слову о полку Игореве». Во время обсуждения основного доклада высказывались самые разные мнения. Один из выступавших в прениях, комментируя текст «збися див, кличет верху древа», полагал, что «див» — это удод и что поведение этой птицы непатриотично. Нас с мамой это очень позабавило, и слова «удод — не патриот» потом часто вспоминались. Вера Дмитриевна вела заседание очень достойно, и на глупостях отдельных выступлений внимание не заостряла.

Бывал я летом в Болшеве на даче, которую снимала Вера Дмитриевна вместе с Людмилой Васильевной. Однажды Вера Дмитриевна совершила с нами большую многочасовую прогулку по окрестным лесам. Мы купались в лесном озере и обедали на берегу.

В 1968 г. Вера Дмитриевна тяжело болела. Моя мать навещала Веру Дмитриевну в больнице и 6 декабря сидела с ней до самой последней минуты ее жизни.